

ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА СНИГИРЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии Уро РАН (Екатеринбург, Российская Федерация)
tas0905@rambler.ru

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОДЧИНЕНОВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и искусств, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)

A.V.Podchinenov@urfu.ru

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СНИГИРЕВ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург, Российская Федерация)

alex_sengir@rambler.ru

**ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСПОЛНЕНИИ Б. АКУНИНА
(ПРОЕКТ «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»)***

Новый исторический и литературный проект Б. Акунина «История Российского государства» рассмотрен в следующих аспектах. Во-первых, анализируется историческая концепция, положенная в основу нового проекта автора. Во-вторых, предпринят анализ специфики соотношения истории и литературы, характерной для современного варианта интерпретации зарождения и становления российской государственности. В-третьих, исследована специфика постановки проблемы становления русской нации, напрямую связанной с процессом становления Российского государства. В ходе анализа выявлены три основных уровня, на которых автором «разыгрывается» вопрос о специфике русскости и способах ее проявления: тайна русского характера, значимость русской православной церкви, принципиальная полиэтничность, ставшая основой национальной целостности. Определены художественные приемы, используемые писателем для решения этнонациональной проблемы: введение сознания чужого / чуждого русскому, подкрепленное визуальной антропологией; использование принципа зеркального изображения; допуск в текст открытой этнонациональной самоидентификации. В результате делается вывод о возможном развитии проекта, которое пойдет по силовой линии евразийства: в исторических томах продолжится исследование результатов крутых смен цивилизаций в русской истории, а в художественных сопровождениях противоречивая полиэтничность будет основой психологического рисунка в изображении лица русского «меченого» рода.

Ключевые слова: Б. Акунин, полиэтничность, историческое / художественное, европейское, азиатское, русское

В начале нулевых в интервью, озаглавленном весьма эпатажной фразой писателя «Я могу варить из исторических сухофруктов любой компот», на вопрос, не хотелось бы ему написать роман о реальном историческом лице, Б. Акунин фактически проговорил замысел будущего нового проекта, который начнет реализовывать в середине десятых годов: «Это был бы другой жанр. Даже два других жанра. Первый – нон-фикшн. Он мне интересен, и я подумываю о том, чтобы (в качестве не Акунина, а Чхартишвили) написать документальную биографию одного исторического деятеля (пока не скажу кого), на примере жизни которого можно было бы многое понять про Россию, про природу власти, про метаморфозы времени. Второй жанр, требующий большей исторической достоверности, чем мои фанфан-тюльпаны, – это историческая эпопея. Тоже интересно было бы попробовать» [10]. Замысел

претерпел любопытные изменения. Во-первых, писатель все же оставил псевдоним, и как уже раскрученный бренд, и как знак того, что автор не претендует на научность своего труда и читателю предлагается весьма субъективная трактовка истории российской государственности. Во-вторых, Б. Акунин «переворачивает» изначальную ситуацию: в исторических томах дается эпически-последовательное описание основных событий и перипетий русской истории, в художественных приложениях к каждому тому – история одного вымышленного беллетристом «меченого рода», проходящего через хитросплетения исторических событий. Таким образом, в первых трех томах проекта описана история Руси-России от ее зарождения до правления Бориса Годунова, а в своих повестях, названных «художественным сопровождением», Б. Акунин повторяет основные события исторического повествования, что

справедливо отмечено в «аннотации» к первому сборнику повестей: «Три повести, входящие в эту книгу, посвящены жизни Древней Руси. Это начало очень длинного, на тысячу лет, рассказа о взлетах и падениях одного рода, живущего в России с незапамятных времен» [1: 4].

Как это обычно бывает с любым новым и заметным историческим повествованием научно-популярного или литературного толка, проект Б. Акунина вызвал критику как со стороны историков, так и со стороны литературных критиков. Например, в статье с оценочным названием «Карамзин для бедных и ревнители официальной народности» П. Корчагин не без иронии и снисхождения замечает: «Дело в том, что у профессиональных историков существует неписанный закон, запрещающий критику, с позволения сказать “исторических” произведений литераторов: “исторические расследования” и даже “исторические романы-эпопеи”. Потому как: художник имеет право на вымысел – раз, и “детей бить нельзя” – два. Правда, Григорий Шалвович подставился: помянул в предисловии о своем историческом образовании, назвал книгу почти как Карамзин, наконец, подчеркнул: “Это история не страны, а именно государства, то есть политическая история”. Так что вроде как и можно тронуть “известного российского писателя”» [7]. И далее автор статьи с безусловным профессиональным знанием идет по известному пути: указывает на обнаруженные фактические неточности в новой систематизации истории, предложенной беллетристом. В свою очередь, К. Мильчин в рецензии на «Огненный перст» упрекает «известного российского писателя» в том, что, взявшись не за свое дело, он обрек себя на творческий провал, и весьма жестко обыгрывает название одной из исторических повестей-сопровождений («Князь Клюква»): «Григорий Чхартишвили прекрасно умеет строить сюжет и интригу, очень начитан и прекрасный стилист. Но подделывать он умеет только язык XIX века, потому что источников много. А про Киевскую Русь их мало. Стилистическая машина буксует, сюжет не спасает – на выходе получается клюква» [9: 92].

Но, несмотря на скепсис со стороны профессионалов, читатель с интересом принял исторический проект одного из самых успешных современных авторов, поскольку он внятно и небанально структурирован, «легко читается», в нем ставятся проблемы, всегда (а ныне особенно) волнующие российскую публику, среди которых одна, возможно, наиболее острая, проблема становления русской нации, для Б. Акунина напрямую связана с процессом становления Российского государства. Писатель убежден, что без постановки проблемы национальной специфики ему при разговоре о становлении русского типа государственности не обойтись: «Тема это спорная и, по нынешним понятиям, даже непо-

литкорректная. Я сам с большим подозрением отношусь к любым попыткам обобщений по национальному признаку. И все же факт остается фактом. Национальный характер как совокупность поведенческих черт, без труда опознаваемых со стороны, безусловно существует» [4: 18].

В каждой новой книге исторического повествования предлагается описание важного этапа становления нации как знака государственного объединения, очередной ступени национальной идентификации и процесса складывания особой ментальности будущей нации. Объединяющим сюжетом становится исследование взаимодействия / конфликта / взаимопроникновения европейского и азиатского в русской государственности и русском характере, что отражено в названиях уже вышедших книг: «Часть Европы» (в терминологии Б. Акунина, возникновение русославян), «Часть Азии», «Между Азией и Европой» (появление в результате влияния азиатского начала «пестрой души славянина», по выражению И. Бунина). И, наконец, готовящийся к изданию «следующий, четвертый том, посвященный Руси XVII века, будет называться “Между Европой и Азией” – к тому времени Московское государство отдрейфует еще дальше в западном направлении, все более дистанцируется от Востока» [6: 6].

Концепция о том, что своеобразие и трагедия национального пути России определяются ее геополитическим положением, более чем не нова, однако осовремененная научно-популярная систематизация русской истории («занимательная история») и закрепление ее в «занимательных картинках» исторической беллетристики и не предполагают новых концепций, но успех и полезность ее зависят от качества исполнения. Б. Акунин-историк идет вслед за известными историческими источниками, акцентируя внимание на тех фактах, событиях, характерах государственных деятелей, которые не только важны для превращения Руси в Российское государство, но интересны ему и, следовательно, будут интересны читателю. Б. Акунин-писатель активно использует те найденные им прежде приемы, которые обнаружили свою эффективность при акцентировании национальной проблематики в предыдущих проектах, прежде всего фандоринском цикле.

Б. Акунин убежден в том, что межнациональное непонимание – порождение укорененных предубеждений и стереотипов: «Историки пишут, что лица гуннов были безобразны: плоские, безбородые, “похожие на скопцов”, с маленькими, яростно прищуренными щелями вместо глаз. (К сожалению, у гуннов не было летописцев, так что у нас нет возможности знать, как растолковали себе гунны носатость, волосатость и пучеглазость европеоидов)» [4: 36].

Главная задача Б. Акунина-историка и беллетриста – разрушение давних национальных

рецептивных клише. Так, писатель активно и охотно «отдает» повествование носителю «чужого», по отношению к русскому, сознания: то греческому шпиону («Огненный перст»), то татарину («Звезда»), то Яшке Шельме («Бох и Шельма»), в котором перемешано столь много кровей, что ему ничего не стоило (при знании разных языков) играть любую национальную роль, в результате чего способность русских к национальной адаптации предстает намеренно акцентированно: «“Шельма” – немецкое бранное слово, пишется ихними латинскими буквами Schelm. Яшка всякую грамоту разбирал: и свою русскую, и латинскую, и татарскую. Оказавшись в чужом месте, среди чужих людей, он очень скоро принаравливался к тамошней жизни и становился своим. Все в себе менял и даже звался по-разному – как нарекут» [2: 149].

В «Огненном персте» внимание сосредоточено на самом процессе складывания новой национальной ментальности, сделана попытка ее художественной реконструкции. Одним из ведущих здесь становится метод визуальной характеристики. Так, русы даны глазами византийца: «Жили они кто как. Некоторые в длинных бревенчатых домах – заглянув в окно, аминтес увидел длинноволосых, длиннорылых людей, которые ели у длинного стола, или лежали на лавках, или чистили оружие. Попадались и кожаные либо войлочные шатры. Но многие вэринги, кажется, без крова над головой и просто сидели вокруг больших костров. Все, как на подбор, плечистые, грубоголосоые, заросшие буйным волосом, похожие на буйволов или на медведей» [1: 155]. Это взгляд представителя иной нации. Не менее важно для Б. Акунина поставить различные этносы, которые в будущем составят новую нацию, перед своеобразными «этническими зеркалами»: «Рорики варяги себя “руссами” зовут, – сказал старик, глава семьи. – Они строгие, но живут по закону. Озоруют, а меру знают. Заозерных кривичей всех пожгли, поубивали, однако нас, словен, не трогают. Жить при них можно. Порядок есть...» [1: 142]. И вновь о двойственности русов-варягов-вэрингов: «Звери они. То ли серебром заплатят, то ли порешат ни за что. Поди знай» [1: 143]. Здесь ощутима почти прямая отсылка к И. Бунину, согласно которому поведение русского человека принципиально не предсказуемо, поскольку он сам не знает, что будет делать в следующую минуту: то ли на богомолье пойдет, то ли бритвой соседа по горлу полоснет.

Не пренебрегает Б. Акунин и приемом автоидентификации: «У нас, славян, как? – неторопливо начал Кый без всяких предисловий. – Чуть кто из князей в силу вошел, тысячонку копий имеет – сразу глядит, кого из соседей пограбить. Наберет добычи, захватит полон, и рад. А мне думается, от такого житья прибутку мало. Хочу по-другому державу строить. От торговли достатку больше,

чем от набегов» [1: 116], подсвеченной и подтвержденной взглядом со стороны: «Так может говорить только великий муж. Не вождь дикарей, а будущий правитель государства» [1: 117]. В повести «Плевок дьявола» показано, как происходит осознание себя *сильными* русскими. Один из героев, Святослав Ярославович, позволяет себе, не без грубой усмешки, «наставлять» византийского епископа: «Истинная сила, отче, в живородительности. У вас ее нет, а у нас есть. Мы кого хотим – берем, не спрашиваем. Поворачиваем, как нам охота, и оплодотворяем. Потому что ныне наше время, наша молодость, наша власть» [1: 254]. Доминирующая черта молодой ментальности, по Б. Акунину, это сплав (если не гремучая смесь) хитрости, веселого лукавства, удалы, размаха, куража и грубой силы. И в этом современный писатель чрезвычайно близок к позиции Н. Лосского, который в книге «Характер русского народа», исследуя такие черты русских, как религиозность, способность к высшим формам опыта, особое соотношение чувства и воли, свободолобие, доброты, даровитость, пишет и о таких проявлениях русского характера, как: «экстремизм, максимализм, требования всего или ничего, невыработанность характера, отсутствие дисциплины, дерзкое испытание ценностей, чрезмерность критики», и делает вывод о том, что «поистине, Россия страна неограниченных возможностей и прав был французский историк Моно (Mond), сказавший, что русский народ – самый обаятельный, но и самый обманчивый» [8: 98].

Названные приемы – введение сознания чужого / чуждого русскому, подкрепленное визуальной характеристикой, использование принципа зеркального изображения, допуск в текст открытой этнонациональной самоидентификации – «работают» на три основных положения, важных при постановке Б. Акуниным национальной проблематики, «тайну русского характера», специфику христианства в православном варианте, принципиальную полиэтничность русских.

В рамках мифа о «таинственной русской душе» и русском характере Б. Акунин заинтересован разными вариантами поведения представителей новой нации, но более всего он привержен к двум традиционным национальным типам: русского авантюриста, «ухаря», который «рубаху рвет и характер показывает», и русского Гамлета (русского интеллигента). Иначе – это психотипы Мити и Алешки Карамазовых. О безусловном существовании в русском человеке авантюрного начала Б. Акунин пишет уже в первом томе исторического повествования, в главе «Герой или авантюрист?», задаваясь этим вопросом при размышлении о характере князя Святослава Игоревича: «Укорять Святослава, пожалуй, не за что – он был совершенно естественным порождением своей эпохи и воинственного варяжеского воспитания, но приходится констатировать, что жертвы, подвиги и походы этого выдающегося полководца были напрасны» [1: 167].

В повести «Князь Ключва» Б. Акунин сталкивает отчетливо представленные характеры: авантюриста и хозяина. Борис в полной мере наделен отрицательным обаянием, да, на нем лежит «каинова печать», но он энергичен, весел, бесстрашен, именно люди такого типа в будущем будут приращивать империю, без них движение истории было бы замедленным и в какой-то степени спокойно-скучным. Ингварь – иная ипостась русского характера, он соединяет в себе черты «великого маленького человека» русской литературы («Со стыдом уезжать или без стыда – вот весь выбор, к которому готовил себя бледный Ингварь, выезжая на своем одноглазом коне со двора» [1: 310]) с обликом хорошо образованного, рефлексирующего, совестливого интеллигентного героя, не менее любимого отечественной словесностью: «Как это – князем быть? За всю землю, за всех людей перед Господом ответ держать?» [1: 290]. Если Борис, и в этом видится определенная авторская оценка характера, исчезает бесследно в поисках славы, то с Ингварем Б. Акунин не расстается, дописывая итог его судьбы в повести «Звездуха». Слабый внешне, он нестигаем перед лицом смерти и долга, что не может не вызывать восхищения у сильного противника («Хороший князь. Погибнет, жалко. Хороших князей на свете мало»), а читателя (в том числе скрытой цитатой из эпитафии) отсылает к героям «Капитанской дочки»: «Тут князь поднял руку. Невысоко и нерезко, но все разом умолкли. Обратился он не к Манулу, а к Калга-сэчэну, глядя ему прямо в глаза. Догадался, значит, кто на самом деле главный. – Мне Господь людей доверил. Как я их отдам? Они не мои, они Божьи. Хотите силой взять – берите. Как Бог рассудит. Его воля. А я против своей души не пойду. Тело погубить – полбеда. Душу погубить – вот настоящая беда. Шаман тоже сказал ему напрямую, без Манула: – Умный человек знает: лучше лишиться части, чем всего. – Части или чести? – спросил князь. – Не расслышал я» [2: 48–49].

Осмысляя национальную специфику и значимую функциональность русской церкви в формировании российской государственности, Б. Акунин настойчиво пишет о том, что «трудно переоценить роль, которую введение христианства сыграло в русской истории». В «Истории Российского государства» писатель указывает прежде всего на цивилизационное значение религии: «Благодаря новой вере – не сразу, постепенно – произошел качественный скачок в представлениях о правильности и неправильности, приемлемом и неприемлемом поведении, Добре и Зле» [5: 182]. В повестях-сопровождениях писатель делает акцент именно на нравственной составляющей русского православия. Показателен с точки зрения использования опыта русской философии и русской литературы образ священника, отца Мавсима Сирина. Персонаж,

появившийся в повести «Князь Ключва» и перешедший в повесть о начале монголо-татарского вторжения «Звездуха», типичен в своей двойственности, органичном сочетании языческой телесности и христианской духовности: «Удивительный пастырь был Мавсима. Несуровый, в праведный гнев не впадающий, на любую вину говорящий: “Ничего, Господь милостлив, помоли от сердца – простит”. В обычное время много шутил и сам на чужие шутки охотно хохотал. Был и лукав, и себе на уме, и на деньги скупенек, но в час, когда становилось не до шуток, будто чья-то рука отдергивала занавес с намалеванной добродушной личиной, и проступал другой облик, истинный. Такого Мавсиму князь и чтил, и боялся» [1: 300]. Образ православного священника раскрывает роль христианских ориентиров в бытовом поведении русских людей того времени, их учительскую миссию. Именно Мавсима помогает каждый раз своему князю сделать верный с точки зрения христианской этики выбор.

Полиэтничность осознается Б. Акуниным как основа особого лица русской нации. Бесконечные войны, этнические «разборки» дают вполне предсказуемый результат – смешение кровей. Так, конфликт Леса и Степи, ставший своим, «домашним» конфликтом (все со всеми давно породнились), дал лицу русских явственный азиатский акцент, многожды усиленный в Ордынский период: «От многолетней близости к Степи забродчане изрядно ополовечились. Стали черноволосыми и скуластыми. Здесь было в обычае приводить невест из орды, а бабы после каждого набега рожали узкоглазых детишек» [1: 358]. Возникает особая красота, обусловленная смешением кровей: «Ингварь и забыл, какой Борис красивый. Первая жена у отца была половчанка, но светловолосая, потому что приходилась дочерью венгерской королевне и внучкой австрийскому херцогу. От перемешения многих кровей брат получился молодцом на загляденье. Глаза синие – в отца, кудри светлые – в австрийскую прабабку, усы черные – в половецкого деда, нос соколиный – в деда венгерского» [1: 327]. Поразному представлены лица и разных ветвей руссов. Так, один из героев повести «Князь Ключва» выглядит настоящим украинским помещиком: «Сам-то Михаил Олегович кушал от души. Был он дороден, толсторул. Концы длинных сивых усов перед ужином нарочно закрутил за уши, чтоб не мешали. С подбородка тройной складкой свисли брыли – князь в молодости жил в плену у ляхов и приучился там бриться» [1: 320].

Совершенно особую аранжировку этнонациональная проблематика получает в третьем томе исторического повествования «Между Азией и Европой» и повести «Вдовый плат», в которых главной интригой стало рождение *второго* русского государства (*первое*, по Акунину, возникло в доордынский период и было частью Европы),

сопровождающееся зарождением и укреплением державности Москвы, победившей вольный город Новгород: «Между областями страны существовали и серьезные культурные различия, которые в значительной мере определяли особенности политического строя. Если Москва и остальные четыре великорусских княжества образовались из прежних ханских владений и несли на себе отпечаток двух с лишним веков сильного татарского влияния, то Новгород ордынским духом был почти не затронут и сохранил изначальную русскость; западная же Русь чем дальше, тем больше полонизировалась и латинизировалась» [6: 28].

Противопоставление Новгород – Москва осуществляется Б. Акуниным через прямой конфликт русского – нерусского (испорченного русского) и проводится по нескольким линиям: бытовое поведение, уровень повседневной жизни, качество гражданского сознания. Писатель и здесь использует наработанные им приемы.

Во-первых, это визуальная характеристика: «Юркие зеленые люди, перебрехиваясь суетливым, акающим московским говором...» [3: 11]; «Иванова душа потемки. Будто и не русский вовсе, а татарин. – Он и есть татарин, – хмуро пробормотал посадник. – У них при московском дворе татарское платье носят, по-татарски говорят. Еще с родителя его повелось, с Василия Темного, чтоб ему, собаке, в геенне гореть...» [3: 91].

Во-вторых, перекрестные суждения, чужая точка зрения, московский взгляд на Новгород и, что встречается особенно часто, новгородский на Москву: «Свой кремль московские называют белокаменным, а он у них тоже серый. Дерюга, а не город. Вблизи низовская столица оказалась еще гаже, чем издали. С Новгородом нечего и сравнивать. Мостовой нет вовсе, возок прыгал с колдобины на ухаб. Навоз никто не убирает, смотреть погано. Всюду мусор, отбросы. Как же оно тут летом-то зловонит!» [3: 217].

В-третьих, использование принципа зеркально-контрастного изображения: «Толпа здесь была совсем не такая, как московская. – Захару с отвычки это бросалось в глаза. У московских мышинная побегка, головы опущены, взгляд исподлобья, быстрый, в хребте вечная готовность поклониться. Эти же пялились кто на что хочет без опаски, морды сытые, дерзкие, походка вразвалку. И никто в лыковых лаптях, все в сапогах – вот это забылось. А потому что чисто, и кожи дешевы» [3: 25]; «Ну вот что, Захар... Про “Захарку” ты забудь, это у них в Москве людей по-собачьи тычут. У нас в Новгороде полным именем зовут» [3: 33]; «У нас не Москва, мы людей по достоинствам ценим. Если ты умен и удачлив, станешь хоть боярином, хоть посадником. На том стоим» [3: 55]; «Ему (Ивану III. – Т. С., А. П., А. С.) надо одного: лишить Новгорода всех вольностей и превратить нас в своих холопов, чтоб мы перед

ним на коленках ползали, как его московский на-родишко» [3: 59]; «Новгородцы бы сейчас орали вознице: что за птицу везешь? Эти же пялятся молча, а некоторые сдергивают шапки – приучение кланяться силе и богатству» [3: 216].

Наконец, моделирование в тексте открытой этнонациональной самоидентификации: «Плохие мы воины. И не в войне только дело. Нам с великим князем не совладать, потому что ему своей державой править легко: как приказал, так и сделают. У нас же в Новгороде народ вольный, и каждого нужно уговорить, убедить. Они быстрые, мы медленные. У них одна голова, у нас тысяча» [3: 60]; «Московские хуже татар. Не русские они, порченые. Что за Москва такая? Вылезла, словно гнойный прыщ, и все растет, набухает, расплзается Антоновым огнем. Это мы, Новгород, – настоящая Русь. От нас все пошло, от вещего Олега. Он и Киев поставил, и прочие великие грады. А нынче только мы да Псков древнюю чистоту блюдем. Вот скажи, да что нам жить с этой полутатарвой?» [3: 75]; «А я бы с ними, с дикарями немтытыми, никаких дел вести не стала. Пускай без нас вконец отатарятся» [3: 173].

Характерно, что москвичи мало озабочены истинно русскостью, им уже важнее не национальная общность, а государственная система: «Московские правила нетрудные. Власти не перечь, кланяйся ей чем ниже, тем лучше. Про законы ведай, что они для дураков писаны, и блюда один-единственный: понимай, что хочет власть – не на словах говорит, а на самом деле хочет, и никогда тому не препонствуй. На Москве дела делать выгодно. Григориева выслушала совет внимательно. Согласилась: – Да, так жить просто. Если у тебя хребет гибкий. Если ты не ногами по земле ходишь, а на брюхе извиваешься. – Это да. У кого хребет не гнется – здесь сломают» [3: 220].

Но новгородцы, «сей народ легкомысленный» (Карамзин), воспринимают «науку Московской жизни» (название одной из глав повести «Вдовий плат») как отход от правил жизни по-русски: «...Москва будет нам нестрашна. Мы ее к татарам ототрем, пуская с ними живет. Сами же воскресим Русь прежнюю, настоящую – от Новгорода до Киева!» [3: 116]; «Клятву преступить – перед Господом страшно, а перед нашим законом стыдно. Мы ведь христиане, не татары дикие, не Москва. Если станем свое слово нарушать, чем мы лучше?» [3: 118]; «...нельзя нам с ихней татарской державой вести никаких дел» [3: 206]. И главный «нерв» противостояния нерусской Москве, по Б. Акунину, заключался в том, что «само представление о том, что один человек может неограниченно распоряжаться делами княжества, было каким-то *нерусским* – так правили в Золотой Орде, но не на Руси» [6: 30]. Но одна из «главных женок» Новгорода, внимательно вглядываясь в образ жизни москвичей, проницательно

заметила: «Быстро живут, – подумала Григорьева, хмурясь. – Быстрее нашего. Не обогнали бы...» [3: 217].

Б. Акунин точно понимает (и принимает) то, что русская нация, как и российская государственность, складывались веками согласно вектору чередований западной и восточной цивилизаций. Будущую империю «вело то в сторону Запада, то в сторону Востока. Эти переходы из условной Европы в условную Азию настолько

очевидны, что мало кто из серьезных историков оспаривает историческую “двухкомпонентность” российской государственности» [3: 5]. Очевидно, что развитие проекта пойдет по этой силовой линии: в исторических томах продолжится исследование результатов крутых смен цивилизаций в русской истории, а в художественных сопровождениях противоречивая полиэтничность будет основной психологического рисунка в изображении лица русского «меченого» рода.

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX в.».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акунин Б. Огненный перст. Повести. М.: АСТ, 2014. 382 с.
2. Акунин Б. Бок и шельма. Повести. М.: АСТ, 2015. 302 с.
3. Акунин Б. Вдовий плат. М.: АСТ, 2016. 304 с.
4. Акунин Б. Часть Европы. История Российского государства. От истоков до монгольского нашествия. М., 2014. 396 с.
5. Акунин Б. Часть Азии. История Российского государства. Ордынский период. М.: АСТ, 2014. 393 с.
6. Акунин Б. Между Азией и Европой. История Российского государства. От Ивана III до Бориса Годунова. М., 2016. 384 с.
7. Корчагин П. Карамзин для бедных и ревнители официальной народности // Филолог. Интернет-журнал. 2013. № 25 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_25_541 (дата обращения 10.06.2016).
8. Лосский Н. О. Характер русского народа: В 2 кн. М.: Ключ, 1990. Кн. 2. 98 с.
9. Мильчин К. Джедаи против викингов // Русский репортер. 2013. № 49. С. 92–93.
10. Решетников К. «Я могу варить из исторических сухофруктов любой компот» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/detectiv/akunin/interview3.html> (дата обращения 12.12.2016).

Snigireva T. A., Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
Podchinenov A. V., Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)
Snigirev A. V., Ural State Law University (Ekaterinburg, Russian Federation)

ETHNIC AND NATIONAL PROBLEMS IN B. AKUNIN'S WORK (PROJECT “HISTORY OF THE RUSSIAN STATE”)

B. Akunin's latest historical and literature project “History of the Russian State” was studied in a number of aspects. Firstly, a historical concept underlying this project was analyzed. Secondly, an attempt to find out correlations between the history and literature, peculiar for the modern variant of interpretation the beginning and further development of the Russian state was undertaken. Thirdly, B. Akunin's version of the problem of the Russian national development, directly connected with the process of the Russian state formation, was studied. The conducted analysis helped to identify the main three levels of the “Russianness” and the means employed by the author to reflect this phenomenon: the mystery of the Russian character; the importance of the Russian Orthodox Church; and the principal polyethnicity as a basis of the national integrity. The analysis revealed the author's stylistic devices used to solve numerous ethnic and national problems: addition of another (“non-Russian”) conscience, substantiated by the visual anthropology; the mirror reflection principle; and an opened national self-identification within the text. Finally, a conclusion of the possible development of the project along the force line of Eurasianism is made: the results of sudden changes of civilization in Russian history will be analyzed in the works on history, the controversial polyethnicity will probably become the basis for the psychological depiction of the appearance of the Russian so-called “mecheny” (“labeled”) kin.

Key words: B. Akunin, polyethnicity, historical / artistic, European, Asian, Russian

REFERENCES

1. Akunin B. *Ognennyy perst* [The Fiery Finger]. Moscow, AST Publ., 2014. 382 p.
2. Akunin B. *Bokh i Shel'ma. Povesti* [Bosch and Schelm]. Moscow, AST Publ., 2015. 302 p.
3. Akunin B. *Vdoviy plat* [Widow's shawl]. Moscow, AST Publ., 2016. 304 p.
4. Akunin B. *Chast' Evropy. Istoriya Rossiyskogo gosudarstva. Ot istokov do mongol'skogo nashestviya* [Part of Europe. The History of the Russian State. From the Beginning to the Mongol Conquest]. Moscow, AST Publ., 2014. 396 p.
5. Akunin B. *Chast' Azii. Istoriya Rossiyskogo gosudarstva. Ordynskiy period* [Part of Asia. The History of the Russian State. Horde Period]. Moscow, AST Publ., 2014. 393 p.
6. Akunin B. *Mezhdru Aziei i Evropoy. Istoriya Rossiyskogo gosudarstva. Ot Ivana III do Borisa Godunova* [Between Asia and Europe. The History of the Russian State. From Ivan III to Boris Godunov]. Moscow, AST Publ., 2016. 384 p.
7. Korchagin P. Karamzin for the Poor and the Devotees of Official Nationality [Karamzin dlya bednykh i revniteli ofitsial'noy narodnosti]. *Filolog. Internet-zhurnal* [The philologist. The Internet journal]. 2013. № 25. Available at: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_25_541 (accessed 10.06.2016).
8. Losskiy N. O. *Kharakter russkogo naroda* [The character of the Russian people]. In 2 parts. Moscow, 1990. Part 2. 98 p.
9. Mil'chin K. Jedi vs Vikings [Dzhedai protiv vikingov]. *Russkiy reporter* [Russian reporter]. 2013. № 49. P. 92–93.
10. Reshetnikov K. “Ya mogu varit' iz istoricheskikh sukhofruktoy lyuboy kompota” [I can cook from historical dried fruits any compote]. Available at: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/detectiv/akunin/interview3.html> (accessed 12.12.2016).

Поступила в редакцию 31.01.2017